

Зимовая, М. В. Многозначность в терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Зимовая. – Орел, 2011. – 19 с.

Лаврова, А. А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи (на материале американских предвыборных теледебатов): дис. ... канд. филол. наук / А. А. Лаврова. – Нижний Новгород, 2010. – 224 с.

Лисенкова, О. А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О. А. Лисенкова. – Нижний Новгород, 2007. – 140 с.

Синеокова, Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография / Т. Н. Синеокова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.

Синеокова, Т. Н. К вопросу об идентификации типа измененного состояния сознания литературного персонажа // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. – С. 136-147.

Синеокова, Т. Н. Интерактивные лингвистические классификации: статистические методы анализа: Монография / Т. Н. Синеокова. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 162 с.

Синеокова, Т. Н. Референтная модель создания лингвистической классификации // Методология современного языкознания: Сборник статей / отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. – М.: АСОУ, 2010. – С. 189-200.

Синеокова, Т. Н., Лаврова, А. А., Чернышова, Е. И. Лингвометодический аспект классифицирования структурных форм ненейтральной речи // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. – С. 40-58.

Сулейманова, О. А. К вопросу о типологии лингвистического эксперимента // Методология современного языкознания: Сборник статей / отв. ред. А. Г. Сонин, А. С. Баранов. – М.: АСОУ, 2010. – С. 230-241.

Фрумкина, Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2003. – 316 с.

Н.Н. Кошкарлова¹

Южно-Уральский государственный университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ

Статья посвящена анализу лингвистических механизмов речевой агрессии в политическом интервью межкультурного уровня. В работе предлагается следующая схема анализа: 1) общая тональность через употребление паремий; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафоры.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, речевая агрессия, коммуникативный конфликт, паремии, грамматические особенности, метафорические модели

N.N. Koshkarova

¹ Кошкарлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск.

LINGUISTICS MEANS OF SPEECH AGGRESSION IN INTERCULTURAL POLITICAL INTERVIEW

The paper is devoted to the analysis of speech aggression linguistics means in the intercultural political interview. The following scheme of analysis is worked out: 1) general tonality through sayings and proverbs' usage; 2) grammatical peculiarities; 3) evaluation through metaphor's usage

Key words: conflict discourse, speech aggression, communicative conflict, sayings and proverbs, grammatical peculiarities, metaphorical models

Целью настоящего исследования является исследование лингвистических механизмов того явления, которое лежит в основе деструктивного речевого поведения. Под последним нами понимается коммуникативный конфликт, который можно охарактеризовать как имеющий место в любой сфере человеческой деятельности, проявляющийся на уровне «группа-группа», «личность-группа (коллектив)» или «личность-личность», выраженный словесно. Коммуникативный конфликт является следствием речевой агрессии, которая, в свою очередь, порождается столкновением интересов коммуникантов. На наш взгляд, трихотомия подобного рода характерна для конфликтного дискурса, который определяется как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определённой тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). В качестве институционального конфликтный дискурс реализуется в политическом интервью межкультурного уровня, то есть беседы представителей зарубежных средств массовой информации с членами российского эшелона власти, а также зафиксированный результат такого разговора.

В разработке лингвистических основ речевой агрессии мы исходим из анализа когнитивных аспектов порождения, структуры, семантики и прагматики исследуемого деструктивного явления. Лингвистический анализ речевой агрессии мы видим в построении макроструктуры, включающей в себя следующие компоненты:

1) Ситуационная модель высказывания, которая представлена следующими составляющими:

- а) время интеракции;
- б) место интеракции;
- в) физический контакт собеседников;
- г) социальные обстоятельства, влияющие на ход беседы (беседа на бытовую, общественно-политическую, культурную или другую актуальную тему).

2) Слушающий и его сознание, мотивация, прошлые действия и намерения.

3) Говорящий и его установки, прошлый опыт, причины вступить в беседу.

4) Культурный фон беседы (события, которые в той или иной мере могут повлиять на позитивный или негативный исход общения и создать условия для проявления элементов речевой агрессии со стороны одного из собеседников).

Данная макроструктура по количеству и содержательной части компонентов соответствует схеме описания ситуации, принятой в теории аргументации:

- субъект (отдельное лицо или сообщество, дающее описание);
- предмет (описываемая ситуация);
- основание (точка зрения, в соответствии с которой производится описание);
- характер (указание на истинность или ложность предлагаемого описания).

По нашему мнению, конфликтный дискурс представляет одну из сфер межлического интеллектуального общения, где коммуниканты при интеракции используют различные способы аргументации, выдвигают разнообразные предложения, убеждают собеседника в истинности и правоте своих доводов, делают партнёра по коммуникации (изначально оппонента) своим единомышленником и сопричастником, то есть аргументируют.

Прежде чем дать анализ различным способам аргументации, используемым в конфликтном дискурсе, рассмотрим компоненты и структуру аргументации в целом.

Аргументация начинается с рассмотрения определённого положения. Положения, которые аргументируются, также можно назвать тезисом. Для того чтобы доказать истинность тезиса аргументации, обосновать целесообразность его принятия, необходимо выдвинуть определённые соображения, привести факты, доводы в пользу рассматриваемого положения. Все это называется аргументами в теории аргументации. Понимание термина *аргумент* в теории аргументации очень многообразно, так как в процессе доказывания и убеждения с помощью одних аргументов устанавливается истинность тезиса, с помощью других – обосновывается целесообразность его принятия и т.д. Аргумент в теории аргументации понимается шире и в том смысле, что факт сам по себе также может стать наглядным доказательством в пользу того или иного утверждения.

Разновидностью деструктивного аргумента является угроза, оскорбление и упрёк, которые представляют способы убеждения собеседника или аудитории с помощью речевого воздействия.

Как уже было отмечено выше, материалом нашего исследования являются тексты средств массовой информации. По справедливому замечанию А. В. Олянич [Олянич, 2004а], массово-информационное общение является сегодня ведущим типом дискурса, проникая практически во все типы институционального и даже обиходного общения. Способ подачи материала в данном типе дискурса представляет собой систему презентационных стратегий и соответствующих этим стратегиям речевых жанров. Исходя из положения А. В. Олянич [Олянич, 2004б] о том, что мотивационной базой дискурса являются потребности во всем их многообразии, модифицируемые в зависимости от культурных, социальных, ситуативных и личностных обстоятельств общения, дадим характеристику современного состояния дискурса.

Речевые жанры являются основой для рассмотрения дихотомии «предметно-логическая (интеллектуальная, дескриптивная, объективная, концептуальная, фактуальная) информация – прагматическая (оценочная, субъективная) информация». Баланс между этими двумя видами информации нарушается в сторону последней, то есть основной целью коммуникации в последнее время стало формирование мнения, а не знания. И. А. Стернин [Стернин, 2003] пишет по этому поводу: «... убеждение осуществляется преимущественно не логическими способами, а эмоционально-психологическими, с учетом особенностей собеседника и аудитории; при этом ставится задача не столько сформировать знание, сколько сформировать мнение». Не вызывает сомнения тот факт, что отличительным признаком общения в средствах массовой информации последнего времени является его эмоциогенность и эмоциентрированность. Исследователи [Жельвис, 1992; Степанов, 2004; Стернин, 2003] отмечают, что в конце XX – начале XXI века эмоциональная аргументация стала преобладать над рациональной. Иными словами, даётся установка на формирование мнения, а не знания. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов [Березин, 1990] отмечают, что увеличивается объем прагматической (оценочной, субъективной) информации, и уменьшается количество предметно-логической (интеллектуальной, фактуальной) информации. Следовательно, современный тип дискурса можно охарактеризовать как эмоциогенный и эмоциентрированный.

При исследовании аргументации как одного из функциональных элементов газетного стиля В. Ю. Голубев [Голубев, 1990] в качестве материала для исследования использует авторские колонки, точки зрения, письма в редакцию по причине того, что именно на

примере указанных жанров он считает возможным проследить, как ведётся диалог через журнал или газету. В жанре интервью, по мнению В. Ю. Голубева [Голубев, 1990], между спрашивающим и отвечающим практически никогда не возникает никакой дискуссии. Ситуация спустя десятилетия значительно изменилась. Как отмечает В. Н. Степанов [Степанов, 2004], коммуникативные стратегии и речевые жанры современной коммуникационной практики существуют в тесном взаимодействии с провокативными стратегиями, которые институционализируются в процессе творческой деятельности социально-культурных институтов, к которым относятся массовая коммуникация, образование, литература, искусство, религия, философия и наука. Автор рассматривает провокативные жанры как первичные текстовые образования, используемые для формирования вторичных текстов жанров массовой коммуникации (под вторичными текстовыми образованиями в данном случае понимаются жанровые системы журналистики, рекламы и PR-коммуникации). Таким образом, можно говорить о провокативном дискурсе (который является одной из разновидностей дискурса вообще) как сфере функционирования жанров особого типа и одновременно как о способе функционирования прагматической информации с целью продемонстрировать определённое психологическое состояние адресанта и вызвать аналогичное состояние у адресата.

По нашему мнению, провокативное общение следует рассматривать в рамках существования более широкого понятия, связанного с фактами проявления деструктивных форм взаимоотношений в любых социальных институтах, – конфликтный дискурс. Риторические средства конфликтного дискурса связаны с провокативными, манипулятивными и эмотивными особенностями речевого произведения, продуцируемого в рамках данной вида речевой интеракции, используемыми для оказания воздействия на целевую аудиторию. На наш взгляд, анализ риторических средств конфликтного дискурса укладывается в схему, включающую в себя следующие параметры: 1) общая тональность через употребление паремий; 2) грамматические особенности; 3) оценочность через употребление метафоры.

Задачей настоящей части исследования является обоснование использования именно такой структуры для изучения риторических средств конфликтного дискурса. Поясним причины выбора именно такого направления исследования. Антропоцентрическая лингвистика – направление, являющееся одним из основополагающих в настоящем диссертационном сочинении, – выдвигает на первый план задачу членения действительности, её репрезентации и интерпретации в «устойчивых ... и воспроизводимых в речи анонимных обобщающих изречениях» [Савенкова, 2002, с. 91]. Данной цели со всей полнотой отвечают «афоризмы фольклорного происхождения» [Алефиренко, Семененко, 2010, с. 91], или паремии. Как указывает А. А. Константинова [Константинова, 2010, с. 7], «паремии призывают к элементарным представлениям, чувствам, желаниям людей, из которых вырастают более сложные мировоззрения, отношения (социальные установки) и планы». Таким образом, паремиологические единицы представляют собой эффективный механизм речевого воздействия на массовую аудиторию. Паремии в политическом интервью межкультурного уровня используются не только интервьюируемым, но и интервьюером для описания сложной и потенциально конфликтной ситуации в международной политике. Так, например, признание независимости двух регионов Грузии – Абхазии и Южной Осетии – для иностранных журналистов и руководителей нашей страны является настоящим источником бедствий и несчастий: *ВОПРОС: Десятки лет Кремль повторял, что не нужно трогать границы, что это – ящик Пандоры и что если прикоснуться к этому вопросу, то потом весь мир будет кусать себе локти* (интервью Президента России Д. А. Медведева телекомпании Тэ-Эф-1, 26 августа 2008 г.). Однако ответственность за последствия необратимых действия в отношении событий на Кавказе оспаривается первыми лицами российского государства: *ВОПРОС: Господин Путин, Вы больше, чем какой-либо другой человек ассоциируете с теми успехами, которые были достигнуты в деле восстановления международного престижа вашей страны после развала Советского Союза, после хаоса 90-*

х годов. Нет ли у Вас озабоченности, что сейчас эти успехи, эти достижения растрачиваются в результате этих событий, действий в отношении Грузии, запрета на импорт мяса птицы и других действий? В. В. ПУТИН: ... Что касается престижа России. Нам не нравится то, что происходит, но мы не провоцировали эту ситуацию. Если говорить о престиже, то престиж некоторых других стран понес очень серьезный ущерб в последние годы. Ведь, по сути, в последние годы наши американские партнеры культивируют право силы, а не международное право. Когда мы пытались остановить решение по Косово, нас ведь никто не слушал. Мы говорили, не делайте этого, подождите. Вы ставите нас в ужасное положение на Кавказе. Что мы скажем малым народам Кавказа, почему в Косово можно получить независимость, почему здесь нельзя? Вы нас ставите в дурацкое положение. Никто не говорил тогда о международном праве, кроме нас. Теперь все вспомнили. Теперь почему-то все заговорили о международном праве. **Но кто открыл этот ящик Пандоры?** Это мы, что ли? Нет, это не мы. Это не наше решение и не наша политика (интервью Премьер-министра В. В. Путина американской телекомпании CNN, 29 августа 2008 г.).

Ещё одним проблемным регионом на карте России традиционно является Чеченская республика. Журналисты-представители иностранных средств массовой информации даже уверены в том, что вопросы, касающиеся Чечни, не нравятся российским политическим лидерам: *БЭТ НОБЕЛ (CBS NEWS): Извините, я знаю, что это – не Ваша любимая тема, но я обязана спросить о Чечне.* В своей попытке сделать ответ более доступным и понятным целевой аудитории интервьюер прибегает к устойчивому словосочетанию *водить за нос*, чтобы, с одной стороны, поблагодарить иностранных журналистов за их интерес к обсуждаемой проблеме, а, с другой стороны, указать на то, что население России обмануто и сознательно введено источниками информации в заблуждение: В. В. ПУТИН: *Вы сказали, что мне не нравятся вопросы по Чечне. Вы ошиблись. Чечня – это часть Российской Федерации. Как мне могут не нравиться вопросы в отношении России? Мне не нравятся провокационные вопросы – это правда. Но это относится не только к Чечне. Наоборот, я вам благодарен за этот вопрос, и я с удовольствием проинформирую вас и ваших зрителей, читателей, всех, кого интересует эта проблема. Чечня с начала девяностых годов, а может, с конца восьмидесятых годов живет в условиях тотального насилия. Уверю вас, это никому не нужно. Рядовой гражданин даже часто не понимает, что там происходит, его просто водят за нос. Люди просто страдают и даже не понимают за что. В целом при обсуждении проблем этого северокавказского региона политические лидеры часто используют паремииологические выражения, что способствует решению задачи эмоционального выражения говорящего к предмету высказывания, когда становится очевидным, какие действия партнёров или оппонентов получили одобрение в ходе сотрудничества / противостояния, а какие вызывают неприятие и критику. Например, использование фразеологизма *набрать в рот воды* решает в следующем примере именно такую функцию: В. В. ПУТИН: *Относительно прав человека: это то, что чрезвычайно важно, но мы должны иметь единое понимание этих проблем. Если мы говорим о Чечне, вспомните, как, скажем, в середине девяностых в Чечне вырезали всех русских, славян, евреев и других, но никто не думает об их правах. Они были забыты. Не было проведено ни одной оценки событий, связанных с нападением на Дагестан. Мы говорим и говорим об этом, но наши партнеры молчат, они молчат, как будто в рот воды набрали. Это была прямая агрессия, но все молчали, как будто ничего не происходило.**

При обсуждении проблем внешней и внутренней политики В.В. Путин часто использует паремию с инвективным потенциалом *спешка нужна лишь при ловле (охоте) на блох*, подвергая её в некоторых случаях окказиональной модификации и сигнализируя об актуализации нового семантического центра высказывания: ЭМИ КЕЛОГГ: *А что Вы думаете об условиях и сроках передачи власти в Ираке?* В. В. ПУТИН: *У нас, естественно, есть собственное мнение. В России существует довольно грубая присказка «Спешка нужна*

лишь при охоте на блох». ... Позвольте мне сформулировать это так: как можно скорее, но без спешки и без лишней суеты.

Наконец, ещё одна функция паремий, на которую нам хотелось бы обратить внимание в рамках конфликтного дискурса, – это разрядка напряжённости во время беседы, создание некоторого эффекта интимизации общения, что переводит подобные диалоги в плоскость гармоничного дискурса. Так, например, во время интервью В. В. Путина на его посту в качестве Президента РФ журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8 на вопрос интервьюера о дальнейших планах интервьюируемого последний ответил с установкой на поддержание контакта с собеседником и гармонизацию общения: *Точно буду работать. Где, в каком качестве, я пока не могу сказать. У меня есть определенные мысли на этот счет, но говорить об этом пока рановато. Даже по действующему российскому законодательству я далеко еще не достиг пенсионного возраста, сидеть просто дома, как у нас говорят, «бить баклуши», было бы просто нелепо.*

Изучение грамматических особенностей текстов политического интервью межкультурного уровня вытекает из анализа политической коммуникации с акцентом на политическое лидерство как социальный институт. Последний феномен, в свою очередь, на современном этапе развития общества может быть проанализирован по следующим критериям: 1) языковая личность политика, осуществляющего функции по управлению обществом; 2) реализация диалогичности в разных жанрах политической коммуникации; 3) структурно-семантические особенности текстов в рамках дискурсивных практик политического лидерства. На наш взгляд, именно третий аспект анализа связан с грамматическими особенностями текстов, продуцируемых в ходе взаимодействия политиков с народом, подчинёнными и оппонентами.

К основным грамматическим особенностям, характеризующим организацию и функциональную структуру текста политического интервью межкультурного уровня, на наш взгляд, относятся:

1) императивные и модальные конструкции «модальный глагол + инфинитив» со значением необходимости и долженствования: *И мне хотелось бы подчеркнуть, что в подобных делах **требуется** оперативная реакция. Но **мы должны** верить правительству, поскольку оно понимает, что такая проблема существует* (интервью Президента России В.В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.).

2) местоимения в парадигме «мы-инклюзивное», куда включаются:

а) руководство страны: ***Нас** не удовлетворяют те объяснения, которые **мы** слышим. Нет никаких оснований для размещения системы ПРО в Европе. **Наши** военные специалисты полагают, что эта система, конечно же, затронет территорию Российской Федерации, вплоть до Уральских гор. И, разумеется, **мы** вынуждены будем на это реагировать* (интервью Президента России В. В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8, 4 июня 2007 г.).

б) российский народ и общество: *Вы знаете, что коррупция – это не российское изобретение. ... Поэтому **мы** должны идти в нескольких направлениях. **Нам** нужно создать законодательную базу и судебную систему, чтобы повысить эффективность правоохранительных органов. Но самое важное заключается в том, что **мы** должны покончить с неоправданным вмешательством правительства в экономику. И **мы** должны создать условия, при которых решение вопросов реальной экономической ценности не будет зависеть от единственного чиновника* интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.).

в) Россию и её партнёров по международному сотрудничеству: ***Мы** не должны каким-либо образом под предлогом борьбы с терроризмом ухудшать ситуацию с правами человека. **Мы** должны, наконец, избавиться от менторского тона и привычки читать друг другу лекции. **Мы** должны стать партнёрами, **мы** должны поддерживать друг друга и помогать друг другу* (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.).

3) личные местоимения в парадигме «вы», «они» как репрезентация своих оппонентов или партнёров: *Ну что, это разве мы вышли из Договора по противоракетной обороне? Мы вынуждены реагировать на действия, которые были совершены нашими партнерами. Мы же уговаривали их два года: «Не делайте этого, не надо этого делать. Что вы делаете? Вы разрушаете систему международной безопасности. Вы же понимаете, что вы нас вынуждаете к ответным шагам». Они говорили: «Да ничего страшного, делайте. Мы же не враги. Делайте чего хотите»* (интервью Президента России В.В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8, 4 июня 2007 г.).

3) различные временные планы для описания прошедших или предстоящих (желаемых для свершения) событий: *Многие страну уже прошли эту часть дороги (временной план прошедшего), и Россия тоже пройдет свою часть (временной план будущего), и этот период останется позади (временной план будущего в прошедшем)* (интервью Президента России В.В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.).

Изменение эмоционального состояния адресата происходит не только через грамматические особенности продуцируемых текстов, но и через использование различных метафорических моделей, исследование которых важно для создания общей теории дискурса, так как, по мнению А. П. Чудинова [Чудинов, 2003b], анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей может способствовать выявлению тенденций развития данного типа дискурса и помогает определить степень влияния социальных изменений на функционирование языка. Метафора в политическом интервью межкультурного уровня играет важную роль по причине того, что позволяет соотнести знакомые и известные образы с реалиями общественной жизни. Когнитивный потенциал метафоры, исследование этого способа моделирования мира через призму гносеологического подхода всё более и более привлекает внимание лингвистов, философов, психологов, политологов, представителей других научных направлений. Теория метафорического моделирования, активно разрабатываемая А.П. Чудиновым [Чудинов, 2003а, 2003b; 2006] в рамках созданного им направления [Будаев, 2010; Вершинина, 2002; Каслова, 2003; Ряпосова, 2002; Стрельников, 2005 и др.], является важной частью «национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [Чудинов, 2006, с. 131]. По мнению Л.Н. Синельниковой [Синельникова, 2010], одна из основных установок политической коммуникации – воздействие на ценностную картину мира и манипулирование общественным мнением – обнаруживается через семантику оценки (положительной или отрицательной). Автор указывает на то, что «система оценок известна политикам и их ретрансляторам, и остаётся только расставлять заданные акценты, интерпретируя новостную информацию политического характера» [Синельникова, 2010, с. 35]. Метафора является одним из способов придания эмоциональности оценочности выступления, средством достижения наибольшего иллюкативного эффекта, механизмом воздействия на целевую аудиторию. В текстах политического интервью межкультурного уровня широко представлены различные метафорические модели, исследование которых важно для создания общей теории дискурса.

Современный мир – это организм, который функционирует по своим законам, иногда даёт сбой и подвержен разного рода недугам и болезням. Происходящие в настоящее время политические и экономические процессы вызывают негативную реакцию, часто сравнимую с последствиями тяжёлого заболевания. Неслучайно использование в текстах статей метафорической модели организма (болезни): *Может быть, немножко болезненный вопрос – касающийся газовых разногласий между Украиной и Россией, когда в результате этого спора прекратились поставки газа для примерно 20 стран в Европе* (интервью Председателя Правительства России В.В. Путина информационному агентству «Блумберг», 27 января 2009 г.). *Это очень болезненная и трудная тема для нашей страны* (интервью Президента России Д. А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.). *Что касается наших партнёров, то, если говорить о Прибалтике, мне кажется, у них*

«фантомные боли» <...> Что касается грузинских властей – для нас действующий режим обанкротился, Президент Михаил Саакашвили для нас не существует, он «политический труп» (интервью Президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу РАИ, 2 сентября 2008 г.).

Современный мир должен функционировать как отлаженный механизм, а руководители государств, входящих в мировую политическую элиту, призваны сделать так, чтобы работа происходила без сбоев и помех. Как следствие – использование в тексте статей метафорической модели механизма (технического устройства): *Мы считаем, что мы выработали **единый хороший механизм** работы по очень чувствительным вопросам международной повестки дня, в том числе и по иранской ядерной проблематике. И напомним Вам, что этот механизм заключается в том, что шесть стран, включая Соединенные Штаты, Россию, Федеративную Республику Германия, выработали общую позицию и передали наши предложения иранским партнерам* (интервью Президента России В. В. Путина телеканалу ЦДФ, июль 2006 г.). *И с учетом того, что сегодня повестка дня особенно сложная, я считаю, что мы вместе с другими участниками «большой восьмерки» могли бы обсудить ряд **новых экономических механизмов**, которые смогли бы поддержать, прежде всего, экономическое, финансовое равновесие в мире, создать основу новой международной финансовой системы, убрать **наиболее устаревшие, слабо работающие международные механизмы**, подумать над тем, как гарантировать продовольственную безопасность на годы вперед* (интервью Президента России Д.А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.). *Если хотите, то даже **бюрократические машины** в этот период всё-таки начинают работать лучше, чем они работают в другой ситуации* (интервью Президента России Д. А. Медведева болгарскому национальному телевидению, 30 января 2009 г.).

Для предотвращения разного рода сбоев в жизни отдельного государства и его взаимоотношениях с другими странами необходимо иметь скорректированный и скоординированный план действий, своего рода сценарий, если бы речь шла о постановке спектакля, съёмках фильма, циркового представления. Неслучайным в этой связи является использование в анализируемых текстах метафорической модели театра (представления): *Именно поэтому мы считаем, что в международном масштабе, **на международной арене** мы должны действовать по единым правилам, именно поэтому иностранные инвесторы могут исходить из того, что мы будем везде защищать этот подход* (интервью Председателя Правительства России В.В. Путина информационному агентству «Блумберг», 27 января 2009 г.). *По поводу иностранных активов, естественно, я могу сказать, что это должны быть привлекательные активы, защищенные, активы, которые принесут гарантированный, пусть даже **по консервативному сценарию**, доход* (интервью Президента России Д. А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.).

Определённые правила существуют не только в театрализованном или другом представлении, но и в спорте, что способствует использованию в тексте соответствующей метафоры: *Мы тогда слышали от наших партнеров: ничего страшного, мы же не враги, мы против друг друга работать не будем. Мы напоминаем, **мы посылаем ответную шайбу**: мы вас предупреждали, мы об этом говорили, вы нам отвечали вот так, так мы и делаем, как говорили. И в случае размещения систем противоракетной обороны в Европе и сегодня предупреждаем: будут ответные шаги* (интервью Президента России В. В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8). *Я хотел уточнить, Вы считаете, что какие-то лица в Соединенных Штатах, действительно спровоцировали этот конфликт для того, чтобы какой-то из кандидатов в президенты получил выигрышную позицию с точки зрения дебатов, **набрал очки*** (интервью Председателя Правительства России В.В. Путина американской телекомпании CNN, 29 августа 2008 г.). *Стоим ли мы сейчас на пороге нового «ледникового периода», новой «холодной войны», начала новой **гонки вооружений**?* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД», 30 августа 2008 г.).

Традиционно устойчивой моделью является метафорическая модель со сферой-источником «Игра», так как игра сопровождает человека с раннего детства и на протяжении всей жизни: *Основной момент здесь заключается в том, что это единственный способ вовлечь и удержать **ключевых игроков**, страны региона, арабские страны* (интервью Президента России В.В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). *Мне бы не хотелось никакой «холодной войны». Она принесла только проблемы человечеству. Поэтому всё, что будет зависеть от нас, мы будем делать. В этой ситуации **шарик на стороне европейцев** – и если они хотят ухудшения отношений, они, конечно, этого добьются. В международном праве есть и то и другое: есть и принцип территориальной целостности государства, есть и право на самоопределение* (интервью Президента России Д. А. Медведева, 26 августа 2008 г.). *Надо просто договориться все-таки **о правилах игры*** (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина американской телекомпании CNN, 29 августа 2008 г.).

А. П. Чудинов [Чудинов, 2001] отмечает, что существование криминальной метафоры является достаточно традиционным для российской политической речи. Находим этому подтверждение и в анализируемом материале: *Позвольте сразу спросить: после того, как вопрос об энергетической безопасности был поставлен на высокое место в российской повестке дня, мы слышали достаточно много высказываний из Вашингтона, от американского вице-президента Чейни, например, о том, что речь идет **о своего рода энергетическом шантаже*** (интервью Президента России В. В. Путина телеканалу ЦДФ, июль 2006 г.).

Прагматический потенциал военной метафоры в политическом интервью межкультурного уровня является достаточно слабым, несмотря на функционирование анализируемых текстов преимущественно в рамках конфликтного дискурса, однако, военная лексика в исследуемом материале также может являться источником «метафорической экспансии» (Чудинов, 2001): *Мы сказали: «**Послушайте, мы не можем открывать сразу войну по всем фронтам, это во-первых. Во-вторых, мы планируем перейти со всеми нашими партнерами на рыночное ценообразование. Время придет – мы сделаем это и с Белоруссией**»* (интервью Президента России В.В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8, 4 июня 2007 г.). *В январе была **очередная «газовая война» между Украиной и Россией*** (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.).

Использование метафорической модели строительства является важным в политическом интервью межкультурного уровня, так как дом и процесс созидания чего-либо нового и желательно долговечного представляют собой ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании: *Хотелось бы знать, что сделала Россия и делала ли она что-нибудь для того, чтобы **навести мосты** между лагерем, который возглавляют Соединенные Штаты по этому вопросу, и другими лагерями, которые представляют другие страны?* (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). *26 августа Вы заявили о том, что возможен военный ответ на **строительство ПРО в Европе*** (интервью Президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу РАИ, 2 сентября 2008 г.). *Господин Президент, в 2008 году Вы предложили разработку международного договора для создания новой архитектуры безопасности. Хотел бы спросить, идея Михаила Горбачёва о **создании «общего европейского дома» от Ванкувера до Владивостока** имеет к этому отношение? <...> Я думаю, что это вредная логика или дурацкая логика, как угодно можно её называть, потому что в этом случае мы просто делим все инвестиции на хорошие и плохие, инвесторов – на правильных и неправильных, а это **возведение новых «берлинских стен», это создание новых стен**, но уже в экономике* (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.).

Использование метафорической модели природы позволяет донести до аудитории мысль, что человек и государство в целом не всегда могут планировать свои действия, а очень часто зависят от внешних процессов и общей обстановки в мире: *Если под демократией кто-то понимает разложение государства, тогда такая демократия нам не нужна* (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). *Весь этот мутный поток из наркотиков и террористов, он прежде всего выплёскивается к нам. Поэтому мы и сами там эти вопросы будем обсуждать* (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.). *Что касается Украины, то там ситуация сегодняшнего дня наложилась, к сожалению, не только на желание паразитировать на своем транзитном положении, но и на внутривнутриполитический кризис <...> Тогда всё пространство Большой Европы будет процветать, будет конкурентоспособным в таком сложном сегодняшнем мире* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина Первому каналу германского телевидения «АРД», 5 января 2009 г.).

Таким образом, структурные и речевые особенности текста политического интервью межкультурного уровня как любого речевого произведения политической направленности, с одной стороны, определяются его функционированием в рамках соответствующего типа дискурса (политического), а с другой стороны, отражают положение дел в стране и мире. Общая тональность через употребление паремий, грамматические особенности, оценочность через употребление метафоры в текстах политического интервью межкультурного уровня являются теми средствами функциональной категории оценочности, которые во многом связаны с социальными и идеологическими факторами, национальной картиной мира коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березин, Ф. М.** Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1990. – 135 с.
- Вершинина, Т. С.** Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
- Голубев, В. Ю.** Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля (на материале американской прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. Ю. Голубев. – М., 1996. – 222 с.
- Жельвис, В. И.** Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / В. И. Жельвис. – М., 1992. – 51 с.
- Каслова, А. А.** Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. А. Каслова. – Екатеринбург, 2003. – 21 с.
- Константинова, А. А.** Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы / А.А. Константинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 331. – С. 7-13.
- Олянич, А. В.** Презентационная теория дискурса: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / А. В. Олянич. – Волгоград, 2004. – а.– 602 с.
- Олянич, А. В.** Драматургия политического и военно-политического конфликта в массово-информационном дискурсе (стратегии презентации «своих» и «чужих») / А.В. Олянич // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – б.– С.303-322.
- Ряпосова, А. Б.** Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Б. Ряпосова. – Екатеринбург, 2002. – 202 с.
- Савенкова, Л. Д.** Русские паремии как функционирующая система: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Л. Д. Савенкова. – Ростов-на-Дону, 2002. – 484 с.

- Синельникова, Л. Н.** Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 1 (31). – С. 34-38.
- Степанов, В. Н.** Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... доктора филол. наук / В. Н. Степанов. – СПб, 2004. – 380 с.
- Стернин И. А.** Практическая риторика / И.А. Стернин. – М.: Академия, 2003. – 272 с.
- Стрельников, А. М.** Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. М. Стрельников. – Екатеринбург, 2005. – 17 с.
- Чудинов, А. П.** Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. – а. – 194 с.
- Чудинов, А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003- б. – 248 с.
- Чудинов, А. П.** Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 254с.

С.Е. Кузьмина¹

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.
Добролюбова*

**ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье, на материале англоязычных высказываний об эмоциональном состоянии лица, рассматриваются особенности концептуализации ситуации действительности и способы представления знания о ситуации в синтаксической структуре высказывания.

Ключевые слова: ситуация, пропозиция, структурная модель, синтаксический концепт, концептуальная метафора.

S.E. Kuzmina

Nizhny Novgorod State Linguistics University named after N.A. Dobrolubov

**FEATURES OF CONCEPTUALIZING AND SYNTACTIC REPRESENTATION OF
THE SITUATION
(BASED ON ENGLISH DATA)**

The author uses English utterances about a person's emotional state to consider the main features of conceptualizing a situation and ways of representing the knowledge of the situation in the syntactic structure of the utterance.

Key words: situation, proposition, sentence pattern, syntactic concept, conceptual metaphor.

¹ Светлана Евгеньевна Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов.